

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ

ЭКСМО

Святослав Логинов

Вокруг Гекубы

«Автор»

2000

Логинов С. В.

Вокруг Гекубы / С. В. Логинов — «Автор», 2000

© Логинов С. В., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Вокруг Гекубы	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вокруг Гекубы

Создание художественного произведения сродни ловле рыбы: чем крупнее ожидается добыча, тем глубже следует забрасывать крючок. Но многое должен иметь в виду самонадеянный рыболов, дабы не вытащить из заповедных глубин свой же собственный стоптанный башимак.

Николя Пфальц – придворный историограф.

Глава 1 Абордаж

Приказ, полученный по спецсвязи, следует немедленно выполнять, в какой бы странной форме он ни был отдан. Поэтому Дин Крыжовский сначала включил торможение и только потом, обернувшись к экипажу, изумленно протянул:

– Это надо же так придумать! Такое и на лукойере не вдруг запрограммируешь. Стойко, мальчик, скажи, мне не померещилось? Нас действительно собираются атаковать?

Стойко Бруч вместо ответа включил только что сделанную запись, и в кабине вновь зазвучал красивый, богатый глубокими контральтовыми переливами женский голос:

– Эй, на звездоходе! Приказываю немедленно остановиться, иначе будете уничтожены!

– Может быть, впереди опасность? – предположил Стойко.

– Тогда зачем нас атаковать?

– Должно быть, мы вошли в запретную зону, – голосом известного диктора сказал Ангам Жиа-хп. – Например, впереди энергетические установки орбитальных детских садов. В случае катастрофы дети могут остаться без света и воздуха, поэтому целесообразней уничтожить только нас.

– Да не может этого быть! Какие детские сады в этой части Галактики? – математик Лира Офирель взвилась из кресла, но тут же, беспомощно расслабившись, опустилась назад. – И неужели вы думаете, что я могла направить звездоход на детей?

– Вы знаете, Лира, – красиво продолжал Ангам Жиа-хп, – счетные муравьи корабельного Мозга избаловались свыше меры. Точность расчетов снизилась. В Мозг необходимо подсаживать новую матку.

– Все равно, не может быть, – прошептала Лира Офирель. – Я проверяла расчет, – она запнулась и, покраснев, прибавила совсем тихо: – На арифмометре...

Никто не отреагировал на ее признание. В рубке наступила тишина, только пятнышко времяуказателя с легким шелестом прыгало по сегментам кольцевых часов. Галактический звездоход «Конан Дойл» шел в режиме аварийного торможения. Потом тишину нарушил громкий квакающий звук – радиостанция звездохода принимала еще одну передачу.

– Молодцы, ребятки! – раздался из передатчика знакомый голос. – Трусоваты слегка, но на вашем языке это называется благоразумием. Лучше быть благоразумным, чем мертвым, не так ли? Открывайте люки, будем брать вас на абордаж.

– Ничего не понимаю, – признался Дин Крыжовский.

– Абордаж – атака судна с воды, осуществляемая с помощью крючьев и пиратов, – пояснил Ангам Жиа-хп.

– Сам знаю! – огрызнулся Крыжовский. – Не забывайте, что именно я приучил вас всех к старинным романам. Но кто мне ответит, как взять на абордаж современный звездоход и кому это нужно?

– Это нужно мне... – ласково пропела невидимая дама.

– Да кто ты, черт побери? – рявкнул Крыжовский, с досады переходя на архаический лексикон своих любимых приключенческих романов.

Досада, впрочем, не помешала ему включить пеленгатор, и тот шустро задвигался, широко расставив усики антенн и тускло мерцая фасеточными глазами.

– Я – Ида Клэр, космическая воительница! – сообщил динамик.

– Вот это да!.. – Стойко даже не пытался замаскировать восхищение.

Пеленгатор бешено вертелся, не понимая, откуда идет передача. Усики антенн метались из стороны в сторону, наконец один из них попал в жвалы, пеленгатор мгновенно откусил его, громко застрекотал и, разрывая нейронные связи, прыгнул через рубку. Вскоре он уже висел под потолком, запутавшись в сетке эмоционального детектора. Детектор, предчувствуя внеочередную кормежку, весело бежал к нему из своего угла.

Неудача обескуражила экипаж «Конан Дойла», так что трое землян и один дуэнец ничего более не предпринимали, пока звездход не погасил скорость. Тогда капитан включил экран кругового обзора.

То, что увидели потрясенные звездходчики, требует для описания изрядное количество бумаги и авторучки куда более изощренной в хитростях словоплетения, нежели наша. Но так как читатель имеет право знать, что увидели потрясенные звездходчики, то описание, хотя бы краткое, все же придется дать.

Бок о бок с «Конан Дойлом» стояла пиратская шхуна.

Косые паруса бессильно никли в почти идеальном вакууме свежесывтраченного пространства, флаг со стилизованным черепом болтался мятой тряпкой, зато водоросли, налипшие на сухое днище, развевались, как прическа медузы. Позеленевшие пушки разевали в сторону звездхода круглые рты, и свет далеких звезд безропотно гас в ржавчине, будучи не в силах найти на судне хотя бы одну надраенную деталь, чтобы отразиться от нее веселой искрой.

Команда кошмарного судна была здесь же. Невероятного вида головорезы разгуливали по палубе, прямо в безвоздушном пространстве, грязные, оборванные, одетые в трепанные кафтаны, камзолы и тельняшки, твердо ступая на заплеванные доски подкованными подошвами башмаков и ботфортов. Их засаленные волосы, скрученные в неопрятные косицы, торчали в самых неожиданных направлениях, и лишь это указывало, что вокруг царствует невесомость.

Бандиты были сверх меры вооружены всеми видами колющих и режущих предметов. Встречались и огнестрельные орудия.

– Пищали, аркебузы, мушкеты... – забормотал Стойко Бруч, бывший большим знатоком военной археологии.

Да, все было на месте, даже пресловутые крючья, с помощью которых осуществляется ответственная операция абордажа. Четверо самых звероподобных пиратов стояли, вцепившись этими крючьями в обшивку «Конан Дойла». По обшивке волнами пробегала перистальтическая дрожь, время от времени она выталкивала отвратительное железное острие, и тогда оборванец широко размахивался и вновь всаживал крюк в пунцовую от негодования поверхность.

Разумеется, звездходчики не ожидали ничего подобного и теперь бездействовали, не зная, что будет дальше.

Между тем на палубе поднялся переполох, бандиты подхватили свою амуницию и, подняв над нечесаными головами лес иззубренной стали, сгруппировались на одном борту. Похоже, действительно готовился абордаж.

Однако до начала атаки произошло событие, может быть, даже более важное, чем открытие военных действий.

Распахнулась дверь какой-то палубной надстройки, и оттуда вышла женщина. Какой контраст представляла она с неумытым сбродом, толпящимся вдоль борта! Белокурые волосы пенящейся волной ложились на плечи. Лиф платья из розового атласа призывно рассекали

узкие прорези «адских окошек», сквозь которые волнующе белели ослепительные кружева белья. Само платье опускалось почти до земли, позволяя видеть лишь кончики парчовых башмачков. Кружевная мантилья была... нет, не на голове, а накинута на плечи наподобие шали. Она не закрывала ничего, лишь оттеняла словно черный экран прелесть фигуры: пышность бюста, тонкую гибкость талии и тревожно изогнутую линию бедра.

Белоснежная болонка, путаясь в шелковистой шерстке, следовала за хозяйкой и, охраняя ее, скалила крошечные, но острые зубки.

Дин Крыжовский, резко нагнувшись, включил увеличение. Лицо красавицы приблизилось.

– Ах! – воскликнула Лира Офирель и опрокинулась в обморок.

Вероятно, только закоснелый в устаревших классических традициях грек мог бы сказать слово неодобрения по поводу внешности пиратской дамы. Слегка выющиеся волосы обтекали ее лицо, оставляя открытым чистый лоб и идеальные дуги бровей, лишь у самых висков чуть вскинутые вверх наподобие крошечных дерзких крылышек. Глаза под пушистыми ресницами сияли мягкой зеленью майской травы. Носу было далеко до академической римской холодности. То был очаровательнейший вздернутый носик. Пухлые губы сами собой складывались в капризный бантик, и едва заметный, нисколько не портящий красоты шрам виднелся справа над губой.

Звездоплыватели, не сговариваясь, повернулись в сторону Леры Офирель. Девушка безжизненно лежала в кресле, белокурые волосы рассыпались по подлокотнику, пухлые губы страдальчески сжались, а тонкая полоска шрама, успевшая за долгие недели полета запомниться всем и даже полюбиться некоторым членам экипажа, была особенно заметна на побелевшем лице.

«Вот те раз!» – невольно мелькнула мысль у каждого.

Дама в старинном костюме не спеша приблизилась к борту. Сзади к ней подбежал оруженосец, неся на вытянутых руках маленькую, почти игрушечную алебарду. Наконец-то звезды смогли отразиться в хищно отточенном лезвии. Дама протянула изящную руку и взяла оружие. О позолоченную рукоятку звякнуло кольцо с редкостным вишневым рубином.

Космонавты вздрогнули, осознав, что они явственно слышат все, что происходит за стенами звездохода, даже скользкие шаги оруженосца, уносящего в каюту жалобно повизгивающую болонку.

Прелестная пиратесса легонько стукнула обушком алебарды по обшивке и проговорила дивным контральто:

– Отворите!

– Боже, что это? – испуганно вскрикнула очнувшаяся Офирель, и ее серебристый голосок зазвенел так жалобно-трогательно, что у команды звездохода не осталось никаких сомнений, кто из двух красавиц их настоящая Лира.

– Я сказала – откройте! – повторила Ида Клэр, капризно топнув ножкой.

– Не откроем! – храбро ответил Дин Крыжовский.

Пираты забарабанили по переборке мечами, откуда-то принесли несколько топоров. Поверхность «Конан Дойла» побагровела от боли и обиды и включила защитное поле. Теперь оружие бандитов отскакивало, не причиняя кораблю никакого вреда. Очевидно, это стало ясно и нападающим; предводительница сделала рукой небрежный знак, пираты отступили.

– Может быть, все-таки откроете? – спросила Ида Клэр неожиданно мягко, с умоляющими даже интонациями. – У нас есть средство вскрыть вас, но поверьте, так не хочется прибегать в нему.

Крыжовский бросил мгновенный взгляд на бледную испуганную Лиру и после секундного колебания ответил:

– В таком случае, у нас есть чем встретить вас!

Он вышел и вскоре вернулся, неся в руках ящичек, по гладкой стенке которого змеилась предостерегающая надпись: «Ремонтники-цементаторы. Запасные комплекты. Обращаться с осторожностью!» Крыжовский поднял крышку и начал раздавать сразу посуровевшим членам экипажа серые шары из рыхлой бумаги. Из шаров доносилось грозное растревоженное гудение.

Пираты, посоветовавшись, выкатили наверх большую медную пушку.

– Пушка! – вскрикнула Лира Офирель.

– Кулеврина, – поправил Стойко Бруч. – Ничего эта штука нам сделать не сможет, это, по сути дела, тот же топор. Пальнут пару раз и убедятся, что бесполезно.

– Какой ты храбрый, Стойко, – нежно прошептала Лира. – А я так боюсь, просто ужасно. Откуда они взялись такие?

– Откуда взялись, туда и уберутся! – твердо заявил Бруч.

При виде зеленых глаз, с признательностью глядящих на него, он преисполнился отваги. Хотелось даже, чтобы пираты ворвались на звездоход, и тогда он, Стойко Бруч, могучими пинками вышвырнул бы их обратно в пространство, чтобы прекраснейшая математик Вселенной наконец поняла, кто действительно достоин звания капитана на этом корабле.

Бруч расправил плечи, взгляд его метал молнии, пальцы гневно сжимали шарик запасного комплекта. В конце концов, хрупкая бумага не выдержала и порвалась. Ремонтники один за другим выбрались через прореху и, громко жужжа, полетели искать повреждения и микропробоины.

– Стойко, мальчик, не надо нервничать, – мягко сказал капитан.

Большого унижения невозможно было представить!

Пираты прочистили оружие, вытряхнув из жерла сор и пустые бутылки. Потом двое, что поздоровей, сгибаясь от непосильной тяжести, приволокли огромное свинцово сереющее ядро. Ядро вкатили в дуло просевшей пушки и стали ждать пушкаря.

Вскоре и он вышел из-за мачты с небрежным видом провинциального артиста, все первое действие просидевшего за кулисами и теперь вышедшего на сцену играть неожиданно приехавшего издалека дядюшку.

Как ни мало были искушены космонавты в тонкостях старинного гардероба, но все же сразу признали в артиллеристе человека иной эпохи, нежели его окружение. Грязно-зеленый френч с густыми золотыми эполетами ладно сидел на широких плечах, фуражка с блестящим лаковым козырьком и высокой тульей, украшенной сияющей кокардой, безуспешно тщила примять круто выющиеся волосы. Хромовые сапоги, начищенные до немыслимого блеска, до колен прикрывали голые волосатые ноги. И даже кюлоты, выдержанные в духе окружающих мод, совершенно такие же, как у оруженосца Иды Клэр: с буфами, прорезями, гультфиком на двух перламутровых пуговицах и выпуском «гусиное брюхо», скорее казались шортами, еще бывшими на памяти у наших бабушек. В пальцах офицера небрежно дымилась длинная сигара с узким серебряным ободком.

Все в облике канонира изобличало человека бывалого, а также опытного ловеласа, и никто не удивился, когда юный паж поспешно вынырнул из палубного люка и, ревниво расправив узкие плечи, встал между госпожой и офицером.

Но все же самым примечательным в артиллеристе оказалась не внешность; не френч и не кокарда заставили Лиру Офирель удивленно ахнуть, а невозмутимого дуэнца заскрипеть нечто непередаваемое. На золотом генеральском погоне, крепко вцепившись когтистыми лапами в витое шитье, сидел лингвист, почти такой же, как у Ангама Жиа-хп, но не жизнерадостно-зеленый, а нехорошего кровавого цвета.

– Это инопланетянин? – с тревогой спросил Ангам Жиа-хп.

Волнение его было так велико, что голос известного диктора изменился, в нем проскользнула резкая кричащая нота.

– Я вообще не знаю, кто они все, – задумчиво проговорил Дин Крыжовский. – И если бы не желание выяснить это, я бы уже давно включил двигатели и оставил их плыть куда им заблагорассудится.

– Смотрите, стреляют! – прервал их Стойко.

Бомбардир поднес дымящую сигару к запальному отверстию. Выстрела не было. Стрелок удивленно передернул плечами и вдавил сигару плотнее. Сигара погасла, выстрела не было. Напустив на лицо выражение брезгливой скуки, неудачник вытащил из нагрудного кармашка стекло монокля и, собрав свет далекой Бетельгейзе на кончике своей сигары, начал раскуривать ее.

– Модест, вы скоро? – негромко спросила Ида Клэр.

– Сию минуту, мадам, – ответил обладатель монокля и, нагнувшись, принялся изучать нестреляющую пушку. Лингвист, балансируя на плече, искоса смотрел желтым глазом. Потом он резко ударил по оружию кривым клювом. Раздался долгий колокольный звук.

– Халтурщики!.. – процедил Модест сквозь зубы. – Порох забыли!

– Сам дурак! – крикнул лингвист голосом известного диктора.

Пушку перевернули, ядро тяжело ухнуло на скрипящие доски. Принесли порох. Вмesto пыжа оскорбленный пушкарь сорвал берет с пером с головы ближайшего разбойника. Тот отошел, недовольно ворча.

Наконец сигара вновь коснулась запального отверстия, и выстрел грянул! От страшного толчка оружие сорвалось с лафета и, пробив противоположный фальшборт, унеслось в космическое пространство наподобие допотопной пороховой ракеты, каковой оно, по сути дела, и являлось. Ядро, выскользнув из удравшего ствола, вновь шлепнулось на прогнившую палубу и лениво покатилося.

Стойко Бруч весело захохотал. Но смех быстро иссяк. Встревоженные космопроходцы в молчании наблюдали, как неудержимо катилось к цели ядро. Стало видно, что оно не свинцовое. Оно пухло и вздувалось комками бесформенной серости. Вот оно коснулось борта «Конан Дойла», раздался долгий треск и вслед за тем пронзительный визг вырывающегося наружу воздуха. В стене рубки зияла здоровенная дыра.

Толпа пиратов с гиканьем бросилась к пробоине.

В следующую секунду дружным залпом хлопнули полсотни бумажных шаров. Понизившееся давление разорвало их, и ремонтники-цементаторы, мгновенно активизировавшиеся при виде столь явной опасности, черно-желтой воющей тучей рванулись к пробоине, залепляя ее комками глины, замешенными на слюнном ферменте, да и просто собственными телами. Когда корабль находился в опасности, им было не до незваных гостей.

И они спасли звездоход, погибнув все до единого, так что астронавты оказались безоружными перед вооруженными до зубов негодяями, ибо Ида Клэр, сопровождаемая юным оруженосцем, золотопогонник Модест, а также пятеро пиратов успели ворваться внутрь корабля. Шестого мерзавца ремонтники зацементировали в стене, и теперь он орал, размахивая руками внутри рубки, а ногами в свободном космосе.

Впрочем, головорезы не торопились пускать в ход оружие. Они сгруппировались вокруг Иды Клэр, ожидая команды, а сама завоевательница озиралась с крайне растерянным видом. В самом деле, после учиненного разгрома рубка «Конан Дойла» не представляла зрелища, ласкающего глаз. Многочисленные микродатчики и приборы, сорванные со своих мест воздушным потоком, шурша и стрекоча, кружили вокруг голов или ползали по стенам и потолкам. Экран кругового обзора не выдержал межзвездного вакуума, пахнувшего через дыру, и взорвался. Вся вода из него вытекла, превратив стерилизующий мох ковра в грязное болото.

Густой туман ходил волнами, фильтрующая железа под потолком захлебывалась от напряжения, но не могла удалить из помещения избыточную влагу. Конденсаторы-разрядники, оставшиеся без воды, шлепали по дну экрана блестящими хвостами, беззвучно разевали рты и

сыпали вокруг искрами. Время от времени кто-нибудь из них, резко ударив хвостом, подпрыгивал, вылетал через разбитый экран и шлепался в мох, разбрызгивая во все стороны мутную воду.

Космоходчики сгрудились в углу. Ангам Жиа-хп возвышался над ними, как всегда спокойный и самоуглубленный, только его лингвист, сидящий на жердочке возле псевдолица, позабыв все правила приличия, хлопал крыльями и выпускал воинственные крики.

Первыми пришли в себя механизмы звездохода. Два десятка уборщиков, волоча за собой длинные голые хвосты, выбежали на середину рубки. Ида Клэр мгновенно отреагировала на их появление потрясающей силы звуком, напоминающим визг гравитационной дюзы при резком торможении. Подобрав юбки, бандитесса одним прыжком взлетела в кресло. Испуганные уборщики серыми молниями метнулись к норам. Кресло завозилось, стараясь приспособиться к странно усевшемуся клиенту. Клэр взвизгнула еще менее музыкально и спрыгнула вниз, наступив на лапу спешащему к разбитому экрану оптику. После этого она уже не переставала визжать, составив вместе с воющим в стене бедолагой замечательно спевшийся дуэт.

Оптик, не обращая внимания на отдавленную лапу, разлегся поперек рубки, отгородив друг от друга враждующие стороны. Из его широкой пасти стекала прозрачная слюна, оптик подхватывал ее красным раздвоенным языком и размазывал по основе, где она застывала. Острый гребень на спине мастера подрагивал от наслаждения. Экран рождался на глазах. Вскоре в нем уже плескалась вода, и резвые мальки-конденсаторы начали чертить замысловатые узоры. Оптик попятился к выходу.

Ида Клэр, испугавшись сорвать голос, прекратила визг и сердито сказала своему все еще воющему напарнику:

– Педро, замолчи!

Педро немедленно умолк и лишь временами жалостно моргал, глядя перед собой.

Экран сиренево засветился, стала видна шхуна с толпящимися у правого борта абордажниками и ласковые огоньки звезд, а на переднем плане – торчащие ноги Педро. Собратья по ремеслу успели содрать с них башмаки, и теперь Педро, пытаясь согреться, постукивал голыми пятками друг о друга.

Когда оптик окончательно исчез в проходе, осмелевшая воительница шагнула вперед.

– Что вам здесь надо? – спросил Крыжовский, тоже шагнув ей навстречу. – Чего вы хотите?

– Связать и ограбить вас, – улыбнулась Ида Клэр и вытащила из-за корсажа пару наручников.

Но все же сражение начали не люди. Лингвист, ярко пламеневший на золотом плече Модеста, неожиданно заорал:

– Цукаты! Цукаты! – и, бросившись в чашу Ангама Жиа-хп, вырвал из хвоста блока-переводчика длинное зеленое, словно глаза Лиры, перо.

Обида мгновенно возбудила успокоившегося было переводчика. Он сразу вспомнил, что не вечно служит у древоподобного джентльмена, что некогда звали его Калиостро, жил он тогда в родных джунглях, и мало находилось наглецов, осмеливавшихся залететь в его охотничьи владения.

Он ринулся на обидчика, так что онемевший Ангам Жиа-хп мог только размахивать рукой, пытаясь поймать дерущихся попугаев. Модест с проклятиями подпрыгивал, но достать мечущийся под потолком клубок перьев не мог.

– Взять их! – крикнула Ида Клэр.

Неизвестно, кого она имела в виду, но бандиты поняли ее по-своему. Один из них, пожилой человек в долгополом бархатном кафтане с кружевным жабо и в желтых носках, достав из-под полы моток веревки, двинулся к Стойко Бручу.

– Берегись! – крикнул Дин Крыжовский.

Он сорвал стенку гузгулаторного бокса и, подняв ее двумя руками, бросился вперед. Взметнулись кривые абордажные сабли, воздух рассек дружный визг Клэр и Офирель.

В этот напряженный момент, когда решалась судьба звездоплавателей-конандойловцев, обнаружилось новое лицо, никак не участвующее в суете баталии, но своим неучастием произведшее на пленяемый экипаж особо сильное впечатление. Левый борт шхуны, освободившийся от снующих уголовников, теперь украшала неподвижно-единственная фигура, нелепый роострум, водруженный здесь чьей-то больной фантазией. По всем признакам это был рыболов, терпеливо ожидающий свою рыбу с удочкой в руках. На нем длинный непромокаемый макинтош и фуражка не то путейца, не то лесничего. В неверном свете звезд трудно различить детали, размытые к тому же временем и непогодой. В руках фигуры росло предлинное бамбуковое удилище, леска уходила вдоль борта вниз, в бесконечность. Лица рыболова не разглядеть в мертвой тени козырька, надвинутого почти до носа. Удильщик казался погруженным в глубокий транс, и мелкая рябь событий не тревожила глубин его сознания.

Первым увидел загадочного рыбака Стойко Бруч, с голыми руками метавшийся между двух фронтов.

– Капитан, гляньте, у того субъекта по левому борту сегодня, кажется, рыбный день! Интересно, на что здесь клюет?

– На окрошку из таких ротозеев, как ты, мой мальчик! – Дин Крыжовский умудрился отразить одновременно два удара от себя и от Стойко. Ловко орудуя массивной стенкой бокса, он заставил отступить двух флибустьеров, один из которых, тот, что в желтых носках, тут же споткнулся и сел в отсек гузгулатория с недоразвитой и потому особо вредной пеной.

Стойко подхватил выпавшую у неудачника саблю и, взревев: «Ура!» – ринулся вперед. Крыжовский последовал было за ним, но неожиданно почувствовал, что не может сделать ни шагу. Увлечшись сражением, он неосторожно приблизился к бывшей пробоине, и вокруг его талии цепко сомкнулись жилистые руки Педро. Капитан рвался в бой, но ничего не мог сделать. Скорее удалось бы выбить из стены заплату, чем разжать намертво сцепившиеся пальцы Педро.

Стойко, оставшегося в одиночестве, сбили с ног, обезоружили и связали. Сопротивление было подавлено, лишь Крыжовский временами рычал и обрушивал стенку бокса на голову всякому неосторожно приблизившемуся. После пары безуспешных попыток обезоружить капитана пираты отступили.

– Должен же он когда-нибудь уgomониться, – сказал один из них, обращаясь к Педро. – Ты только держи его крепче.

Наконец в рубку снизошли тишина и спокойствие, и можно стало оглядеться.

Несомненно, центральной и живописнейшей группой композиции являлась пара Модест – Ангам Жиа-хп. Они успели не только разнять попугаев, но и подражаться друг с другом. Лицо и руки Модеста густо покрывали царапины от шипов, так что он мог без труда изображать красиво татуированного дикаря. Дуэнцу тоже изрядно досталось. Лохмотья коры на его боках поредели, а прямо на груди крест-накрест виднелись две зарубки, словно некий хулиган собрался, но не успел вырезать краткое похабное слово.

Четверо воинов Иды, тяжело дыша, сидели во мху возле спеленатого Стойко. Пятый окончательно провалился в гузгулаторий, откуда доносилось сочное чваканье, время от времени среди бурлящей пены мелькали желтые носки.

Посиневший от натуги Педро держал Дина Крыжовского. Черная повязка, закрывавшая глаз, сбилась и съехала на ухо.

А в самом далеком и темном углу стоял на коленях юный паж, умоляюще протягивая руки к хищно изогнувшимся фигурам Иды Клэр и Лиры Офирель.

– Не надо драться! – взывал несовершеннолетний захватчик-пацифист. – Зачем ссориться? Давайте любить друг друга. Вот новые стихи, они навеяны видом здешних неизведан-

ных краев, – оруженосец указал рукой в глубь рубки и принялся декламировать излившиеся экспромтом строки:

На востоке вдалеке
Огоньки давно погасли,
Как растопленное масло
Солнце плавает в реке...

Рубка была вовсе не столь велика, но светящиеся блики контрольных зон на противоположной стене создавали впечатление чуть зыблущейся водной глади, украшенной золотой закатной дорожкой.

Утро.
Утки.
Штуцер – трах!
Птица впрах.
И брусничины как будто
Выступят по перламутру
Перебитого крыла.
Ил болотца всколыхнется
От поверхности до дна,
Крик утиный захлебнется,
И вернется тишина.¹

Мальчишеский голос сорвался на самой патетической ноте. Но эта отчаянная попытка восстановить мир, конечно же, не могла иметь успеха. Только один из налетчиков громко сглотнул голодную слюну, да великолепный Модест мечтательно пробормотал:

– А охота здесь, должно быть, знатная!.. – и погладил большим пальцем потертую кобуру, приминавшую пышные буфы панталон.

Что касается Иды, то она, вероятно, даже не слышала творения своего слуги, поскольку всецело была занята ловлей Лиры Офирель. На правой руке Лиры был защелкнут один браслет наручников, второй Ида держала в руках, медленно водя им в воздухе и выжидая момент, чтобы поймать левую руку математика.

– Тебе не жмет, детка, мой браслет? Умоляю, примерь и второй, – гипнотизирующим шепотом уговаривала она. – В этом сезоне самый модный цвет – ржавое железо. Ха-ха-ха! Лира в кандалах! Свободу Лире Офирель!

Сбившись со взятого тона, амазонка неловким движением накинула браслет на свое запястье, приняв на миг собственную руку за руку соперницы. Изъеденные ржой железные наручники соединили короткой, но толстой цепью конечности обеих дам. Обнаружив ошибку, предводительница пиратов пришла в замешательство.

– Это вы виноваты, – обратилась она с упреком к Офирель, дергавшей ее за руку.

Вынув из-за пояса связку ключей, королева aborda отщипнула безупречными зубами один из них и, пытаясь подхватить его свободной рукой, уронила на пол.

– Ах! – воскликнули обе дамы.

Но ключик уже утонул в желто-зеленых космах сфагнумного ковра. Женщины опустились на колени и, не сговариваясь, принялись его искать.

¹ Все включённые в состав повести стихотворения, за исключением колыбельной на стр. 354, написаны А. Рыбошлыковым.

– Что это? – спросила вдруг Ида, указывая на бледно-розовый шарик, от которого в мох уходила тонкая бескровная нитка.

– Клюква, – ответила Офирель, зондируя тонкими пальцами мох. – Тут ее много. Вот приходите через месяц... Теперь еще кислятина, а как созреет – пальчики оближете.

– Лизать пальцы? – удивилась Ида Клэр. – Зачем?

– Ах, оставьте! – отмахнулась Офирель. – Придет время, попробуете и сами поймете. Главное, в меру добавить сахарной пудры.

– И вкусно?

– Прелесть! А вот и он! – с этими словами Лира вытащила из-под ковра ключ. – Дайте-ка руку, не пойму, как снимается эта железка.

Некоторое время Лира возилась с замком, потом Ида Клэр сказала недовольно:

– Пустите, я сама. Вы не умеете.

Теперь уже Ида склонилась над браслетом Леры, пытаясь расстегнуть его. В конце концов ключ, не выдержав, переломился, а наручники закрылись еще на один щелчок.

– Ах! – дружно сказали пленницы.

– Это вы виноваты! – заявила Офирель, спеша отвести подозрение, что ключ треснул еще у нее в руках.

– Не будем выяснять степень виновности, – сказала пиратесса, выдавая своей лексикой богатый опыт по части судопроизводства. – Лучше подумаем, что нам делать? Мы с вами, голубушка, связаны одной цепочкой, и ссориться нам не следует. Милочка, давай дружить?

– Давай! – подхватила Лира, и новоявленные подруги направились к выходу.

– С тобой мне будет спокойнее, – говорила Ида, – да и тебе тоже. Этот Модест, он ужасный человек... Кстати, – добавила она громко, – Модест, займитесь пленными и добычей.

Чмокнул входной клапан, гофрированная глотка коридора поглотила женщин.

– Позвольте представиться, – выступил золотопогонник, – Модест фон Брюгель! – он покосился на генеральский эполет и честно добавил: – Подпоручик.

– Что вам от нас надо? – устало спросил Крыжовский.

– Не изображайте наивных детишек! – оскорбился фон Брюгель. – Что может понадобиться пиратам? Добыча – корабль и пленники. И все, что есть на корабле. Например, из этой колючей дубины, – он указал рукой на Ангама Жиа-хп, – должны получиться неплохие комод и вешалка для шляп. Я поставлю ее в своей каюте.

– Протестую! – сказал Ангам Жиа-хп. Дикторский голос зазвенел гневными нотками.

– Так ты не полено?! – вскипел барон. – Значит, ты меня нарочно изодрал? Ладно же! Быть тебе комодом! А пока ты у меня посидишь в клетке!

Однако никаких шагов к осуществлению угрозы подпоручик не успел предпринять, и все из-за того, что женщины никогда не закрывают дверей производственных помещений. Настоящий момент не был исключением, пленка входного клапана оказалась откинутой, и в приоткрытую дверь влетело около десятка ремонтников-цементаторов, неловко выпущенных Стойко Бручем и потому уцелевших во время катастрофы.

– Осы! – взвизгнул Модест. – Только не это, у меня аллергия!

– Осы! – испуганным эхом откликнулся Педро, и в этот момент один из ремонтников всадил жало-зонд ему в губу.

– Ой! – вскрикнул замурованный негодяй, и сразу же ремонтники-цементаторы бросились на него, облепив нос и щеки.

– О-о-у-у!.. – выл несчастный.

В конце концов он не выдержал и замахал руками, отгоняя от своей физиономии крошек, добросовестно исследующих странную заплату. Неожиданно освобожденный Крыжовский перелетел через рубку и с разгону врезался в многострадальный экран кругового обзора. Зазвенело стекло, шумно хлынула вода. Вдалеке послышался топот бегущего оптика.

– О-о-о!.. – стонал Педро, прикрывая руками изувеченную распухшую рожу.

– Закрой рот, воздух выходит! – сердито приказал мокрый Крыжовский.

Педро умолк, и ремонтники, убедившись, что заплатка, несмотря на свою необычность, герметична, улетели. Крыжовский, боевой дух которого угас, залитый холодным душем, нерешительно взялся за стенку бокса.

– Хватит драться, – сказал вдруг Модест. Он тоже был мокр, с козырька фуражки свисали водоросли. – В конце концов, это не дело, просыхать не успеваем. Так и простудиться недолго, инфлюэнцу схватить. К тому же ваше положение безнадежно, вы тут один, а нас пять с половиной. Предлагаю почетный плен.

Крыжовский в знак согласия подошел к гузгulatorию и поставил на место стенку, скрыв от нескромных глаз полощущиеся желтые носки.

– И чего вы добились? – спросил он. – Кораблем управлять вы не умеете...

– Сумеем, – пообещал многоопытный подпоручик конно-артиллерийского полка.

Экран засветился, но тускло, поскольку разрядников не хватало. Запасы тины, икры и улиток тоже подходили к концу. Но изображение все же прояснилось, и Крыжовский увидел, что на шхуне готовят сеть. Пираты всегда были неплохими рыбаками, к тому же присутствие молчаливого конкурента с удочкой подбадривало их. Бесконечные мили пеньковых канатов мелькали в мозолистых руках, на палубе чинили ячеи, навешивали ряды поплавков из пустых кокосовых орехов. Но вот сеть готова, и несколько молодцов, перекрестившись и закатав штанины выше колен, спустились с корабля и принялись обводить бреднем «Конан Дойла». Переплетения веревок, рассекающие созвездия, казались прутьями решетки.

На шхуне подняли якорь, межзвездный пассат надул паруса, и корабли, плененный и пленивший, тронулись в путь. Скорость превысила восемьсот квадрильонов узлов, созвездия поворачивались, меняя очертания, и исчезали за кормой. А впереди мрачно и безобразно выростало опасное, непроницаемо серое пятно.

– Стойте! – закричал Крыжовский. – Мы там погибнем! Это же Гекуба!

– Мы не погибнем, – ответил Модест фон Брюгель, указав рукой вперед, где на корме летящей на всех парусах шхуны бронзовело название: «Заря Гекубы».

Дин Крыжовский обреченно опустил в кресло. Пираты, сидя кружком на полу, жевали незрелую клюкву.

Глава 2

Научно-познавательная

Гигантское скопление астеровируса было обнаружено прошлыми экспедициями в области повышенной активности биоплазмы с эмоциональным фоном 400 килоэм. Это наконец объясняло непонятные выбросы живого вещества в самый густонаселенный сектор Галактики. Когорта Пауля Вреггильса, буравившая квазислоистую платформу квазара У-003, была спешно снята и брошена навстречу опасности. Старенькие звездодоходы тридцать седьмого поколения, выстроенные из допотопных жидких биогелей, едва выдерживали крутые виражи пространства с радиусом 50–60 физиологических ступеней, то есть в половину возможного для этой части Вселенной.

Положение складывалось критическое, и потому можно понять чувство облегчения, которое испытал суперкапитан Недовасси, когда узнал, что в его распоряжение поступают два новейших тральщика, а в скором времени, возможно, появится и третий.

Звездодоходы подкрепления «Конан Дойл» и «Агата Кристи» вышли на скопление из самой неудобной позиции – под прямым углом к плоскости эклиптики, но это не помешало им тут же выбросить тралы и приступить к работе.

Тральщики продвигались вперед, огибая сенсорные выбросы, а за ними оставалось чистое, свободно дышащее пространство. Грузовые трюмы постепенно заполнялись прессованным астеровирусом. Рост скопления был остановлен, и уже можно было предвидеть, когда последний зараженный участок исчезнет с лица Галактики.

Тем неожиданней казалась радиограмма, приказывавшая кораблям немедленно вернуться на базу.

* * *

Суперкапитан Недовасси вел себя по меньшей мере странно. Он бегал по кабинету, то и дело вытирая пушистым лопухом пот, выступавший на загорелой лысине, нечленораздельно бормотал под нос, быстро писал какие-то записки, тут же рвал их, некоторые, впрочем, отправлял с почтовыми голубями, небрежно выбрасывая их в окно. Короче, суперкапитан занимался чем угодно, но не обращал внимания на экипажи звездодоходов, выстроившиеся вдоль стены.

Те дисциплинированно ждали.

– Что же делать? – выкрикнул Недовасси. Он остановился и впервые осознанно взглянул на шестерых астронавтов. – Вы уже здесь? – спросил он.

– Так точно! – ответил за всех Демьян Стриббс, оказавшийся ближайшим.

– Печальные вести, – проговорил Недовасси. – Очень печальные. «Жорж Сименон» погиб!

– Ах! – вскрикнула Лира Офирель.

«Жорж Сименон» был третьим тральщиком, идущим сюда из межгалактических просторов.

– И самое скверное, – продолжал Недовасси, – что мы не знаем причин его гибели, хотя он погиб буквально на глазах. Звездодоход благополучно вошел в регион, сообщил о прибытии и погиб, хотя на пол-Галактики вокруг нет ни одного астеровируса. Еще никто никогда не летал в таком чистом пространстве – и вдруг катастрофа!

– Астеровирус здесь ни при чем, – в один голос сказали Стриббсы. – У тральщика достаточно мощная антибиотическая защита. Он может на полном ходу врезаться в самое густое скопление, в худшем случае отделавшись легким насморком.

– Есть ли данные о последних часах звездохода? – спросил Дин Крыжовский.

– Имеется пленка, на которой заснята его гибель. Запись сделана на тригонометрическом бую. К слову сказать, буй тоже погиб через несколько минут.

– Из-за чего?

– Из-за Гекубы. Так мы условно называли обнаруженный объект.

– Это уже интересно. Можно посмотреть?

– За этим я вас и позвал. Извольте взглянуть. – Недовасси упал в глубокое кресло-демонстратор. На бархатной поверхности стены возникла желтая петля экрана. В воздухе прямо запахло телергонами. С полминуты ничего не происходило. – Недовасси распечатывал синюю коробку, перегрызая в нетерпении бечевку, обвивавшую ее. Затем он распахнул коробку и вытряхнул содержимое в воздух.

Сотни разноцветных мотыльков закружились радужным облаком, переливаясь, как мыльный пузырь. По команде Недовасси, крикнувшего: «Садись!» – облако вытянулось в мерцающий конус и равномерно покрыло собой экран.

– Извольте видеть, – повторил Недовасси, и хаотический гобелен крыльев преобразился в черную космическую ночь, испещренную сотнями звезд. Картина пульсировала и переливалась глубокими обертонами, иллюзия космического пространства была свыше ста процентов, даже сам Недовасси залюбовался ею. Повинуясь неощутимому для людей телергоновому сигналу кресла-демонстратора, мотыльки безупречно точно поднимали и опускали крылышки, производя перед глазами сидящих картину космоса.

Но вот изображение резко изменилось, по звездному небу пробежала рябь, многочисленные пятна покрыли его.

– Гекуба! – торжественно выдохнул Стойко Бруч.

– Погодите минутку! – прервал Недовасси и включил свет. Стало видно, что экран страшно поредел, а те мотыльки, что остались на месте, беспокойно хлопают крылышками.

– Так и есть! – проворчал Недовасси. – Кто-то неподалеку смотрит кино. Никак не можем договориться о разных кодах, чтобы не переманивать друг у друга мотыльков.

Не переставая брюзжать, суперкапитан побрызгал в углах дезодорантом и достал новую коробку с мотыльками.

Гекуба появилась на экране в виде бесформенного серого пятна, закрывавшего звезды. Серость не была однородной, она клубилась, на поверхности временами появлялись тяжи, потом они исчезали, и Гекуба, казалось, распухала еще больше.

– Она растет? – пискнула Офирель.

– Да, она растет, – подтвердил Недовасси.

Грязные волны Гекубы медленно приближались к кинокамере.

– Это не астеровирус, – уверенно констатировали Стриббс, потеряв всякий интерес к происходящему.

* * *

Стриббс Петухов был по преимуществу тральщик-вирусолог. Это означало не только то, что он был в курсе всех новейших открытий в области космического траления и вирусологии, но также, что он был не в курсе всего остального, что составляет жизнь обычного человека. Случай почти патологический.

Стриббс превосходно работал с тралом, но никакая сила не могла заставить его чистить простое пылевое скопление. Он считался великолепным пилотом и мог бы на соревнованиях забирать все медали подряд, но проявлял свое искусство только в деле увеличения зоны тралового захвата. С ним можно было очень содержательно побеседовать о вирусологии вообще и об астеровирусологии в частности.

Однажды Стойко Бруч, тогда еще практикант, предложил ему редчайший штамм астеровируса Х-17, если он скажет комплимент Лире Офирель. Стриббс подошел к Лире и отчеканил:

– У вас прелестный цвет лица. Совершенно такой же оттенок бывает при внедрении в клетчатку ворсовника бородавчатого вируса типа...

Далее юная математик слушать не стала и в скором времени перевелась с «Агаты Кристи» на «Конан Дойл», что, собственно, и было тайной целью Стойко Бруча.

И, к сожалению, переводы с «Агаты Кристи» были не редкостью. Никто не мог ужиться со Стриббсом Петуховым. Стриббс очень расстраивался из-за этого, ведь один он не мог справиться с большим звездодомом. Он так сильно расстраивался, что в результате решил расстроиться. Техника расстроивания отработана давно, а в данном случае задача облегчалась тем, что Стриббс хотел, чтобы все расстройняшки были абсолютно идентичны. Обычно стараются сделать наоборот, так что нормальные расстройняшки, набираясь индивидуального опыта, с течением времени становятся почти такими же разными, как однояйцевые близнецы.

Стриббсы же, явившись на свет, остались друг другом совершенно довольны и с этой минуты уже не расставались. Чтобы различать трех Стриббсов, их называли: Иван, Степан и Демьян. Иван был тот, что справа, Степан – посередине, а Демьян – слева. Впрочем, злые языки поговаривали, что Стриббсы, опасаясь стать чересчур разными, постоянно меняются местами.

Эти-то три индивидуума и составляли дружную команду «Агаты Кристи». Так что нетрудно понять скуку, овладевшую ими, как только стало ясно, что таинственная Гекуба не имеет никакого отношения к вирусам.

* * *

– Да, это не астеровирус, – подтвердил Недовасси. – Мы думаем, что это метастабильное перерождение пространства, нечто наподобие раковой опухоли. Наблюдаются даже метастазы. Подробнее вас ознакомят потом. А сейчас, смотрите. Появляется «Жорж Сименон»!

Изображение метнулось, приборы буя обнаружили приближающийся звездодом, и камера поворачивалась, чтобы заснять его прохождение.

Очевидно, сименоновцы слишком поздно встревожились по поводу Гекубы. Ближний обжитый космос, что может угрожать тут межгалактическому страннику? Сверхскоростной астромобиль, прошедший сквозь передраги септических пункций, казалось, мог, не заметив, пронизать ничтожную туманность. К тому же скорее всего облако создано искусственно, и если бы проходить рядом не разрешалось, то предупреждение об этом пришло бы еще полчаса назад.

«Жорж Сименон» должен был пройти по крайней мере в сотне астрономических единиц от Гекубы, но в этот момент тяжи, опутавшие ее тело, растворились, и она всклубила свои волны перед самым носом корабля. Тормозить уже не имело смысла.

Звездодом не взорвался, он просто исчез, только три отсека: жилой и два грузовых – с белком и ДНК вируса на долю терции пережили все остальное.

– А ведь у двигателя защита мощнее, – заметил Крыжовский.

– Да, но она другого типа. Возможно, именно здесь находится ключ к пониманию природы явления.

Гекуба на экране тяжело вздохнула и выбросила в пространство крошечный клубок серости, диаметром от силы в сотню километров.

– Метастаза, – назвал Недовасси. – Мы проследили за ней. Она вышла за пределы Галактики и постепенно рассосалась. Вторая такая же штука врезалась в наше скопление и тоже исчезла. Но вы понимаете, что рано или поздно они сумеют где-то внедриться и мы получим

вторую Гекубу. Поэтому я решил до подхода специальной экспедиции послать туда один из кораблей. Вы должны собрать первичную информацию и проследить за развитием Гекубы.

– Правильно! – в унисон заявили Стриббсы. – Они, – три головы мотнулись в сторону конандойловцев, – полетят к Гекубе, а чтобы дело тем временем не страдало, вы разрешите нам использовать новый трал с десятикратным захватом.

– Не возражаю, – сказал Крыжовский.

– Вот и хорошо, – подвел итог Недовасси. – Вы отправитесь сразу, как только вам установят информационный гузгулаторий, – глаза Стриббса блеснули завистью, – а вы, – продолжал суперкапитан, – работаете по-старому, а свой трал испытаете как положено, в присутствии компетентной комиссии. И, пожалуйста, никакой самодеятельности.

Стриббсы понурили головы и, дружно волоча ноги, вышли из кабинета.

– А теперь последнее, – сказал Недовасси. – Я считаю, что информационного гузгулатория недостаточно для исследования Гекубы, поэтому мы усилим ваш экипаж физиком, специалистом по сверхпространственным изменениям.

Недовасси хлопнул в ладоши, дверь распахнулась, и две наряженные в ливреи гориллы внесли в кабинет кадку с величественно растущим Ангамом Жиа-хп.

Пришло время дать краткое описание этого существа, сыгравшего, как и все остальные главные герои, не последнюю роль в той драме, которую благосклонный читатель, как мы теперь видим, готов наблюдать до финала. Ангамы с погибающей, а ныне уже окончательно погибшей планеты Дуэнья, собственно, и не являются существами, ибо, строго говоря, не существуют. Их бытие проходит по малоизученному каналу метасуществования, что не мешает им, так же как, скажем, гарумбам, прозванным небесными бантиками, иметь псевдоконтакты с кем угодно и где попало. Ангам, кроме того, не индивид, но целое сообщество, иногда класс, племя, раса. Ангам Жиа, как тридцать три клона Ангамов из рода Хп, был типичным продуктом цивилизации Люб, возникшей на пересечении древних торговых путей в те времена, когда вселенская очередь за Великим плодом Ананаба пересекала чертоги миллиардов галактик, двигаясь сразу во все стороны и увеличиваясь до бесконечности.

Ананабов, к слову сказать, всем не хватило, и распавшиеся элементы гигантской очереди долго еще беспорядочно дрейфовали там и сям, наблюдаясь у нас как огромные скопления вещества и мощнейшие источники рентгеновского излучения. Пришлось отбуксировать в этот район несколько сотен черных дыр крупного калибра, которые, жадно чмокая, поглотили неудачников и тучи ананабовой кожуры.

Ангамы же, потеряв во время всеобщей сумятицы свою планету, а заодно и цивилизацию, потеряли также вкус к практическим преобразованиям окружающей среды, возлюбили предметы абстрактные и с тех пор исправно снабжают мыслящую Вселенную физиками-теоретиками и поэтами-символистами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.